

Свою главную картину художник А. Иванов писал 20 лет

Трагедия Петра-отца: он допрашивает своего непокорного сына

Три могучих богатыря на границе. А за ними — земля русская

К. Брюллов побывал на раскопках погибшей Помпеи. Она потрясла его...

ВЕЛИКИЕ ПОЛОТНА

«Идущий за мной сильнее меня!»

К. Брюллов ценил дружбу с великим поэтом

В картинах Н. Ге Христос — страдающий человек

Картины-сказки В. Васнецова — самое лучшее, что создал художник

Много сказок слышал Васнецов от своего дедушки

Жаркий полдень в Италии

К. Брюллов — мастер парадного портрета

Ученый-химик Д. Менделеев глазами И. Репина

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый Город» признаны
ЛУЧШИМИ КНИГАМИ 2000 ГОДА

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЕЛИКИЕ ПОЛОТНА

Автор Галина Ветрова

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2003

МОСКВА, ПОМПЕИ, ПЕТЕРБУРГ...

Летний день, но солнца нет. Вокруг — абсолютная тьма, будто ты заперт внутри черной бархатной шкатулки... Слышен могучий подземный гул, перекрывающий отчаянные крики женщин и плач детей. Земля, как живая, шевелится под ногами, время от времени слышны глухие взрывы...

Во мраке вспыхивают сразу несколько молний. В их мертвенном свете прямо на глазах по стене каменного здания зазмеилась широкая трещина, колонны подломились, покачнулись статуи над крышей... Все рушится вокруг, всюду гибель...

Позади начинает разгораться тусклый багровый свет... Это огненная лава вырвалась из кратера Везувия и стекает по склонам горы, все сжигая на своем пути.

Сверху падают раскаленные камни, они больно ударяют по голове и плечам... И непрерывно сыплется обжигающий тяжелый пепел, его все больше и больше, он заваливает все вокруг, вот-вот накроет всех с головой... Нет, не спастись, не убежать... Он задыхается... Он...

Володя Маковский открыл глаза. Над мальчиком склонилось взволнованное лицо отца.

— Проснись, голубчик. Ты кричал во сне. Тебе снилось что-то страшное?

— Ой, папа, я будто был в Помпее и видел своими глазами все-все!

Егор Иванович с тревогой смотрел на своего любимца. Конечно, впечатлительность необходима будущему художнику, но...

Он улыбнулся сыну:

— У тебя ничего не болит? Ну, успокойся, постарайся уснуть... Еще ночь.

Володя послушно закрыл глаза. Но сон не приходил. Перед глазами вереницей проходили воспоминания прошедшего дня...

Прямые проспекты Петербурга, столь непохожие на улицы родной Москвы, величавая нарядность Зимнего дворца...

Новый Зимний — теперь первый в России «Публичный музей»... Эти тяжелые двери за портиком с атлантами из красноватого гранита, этот незнакомый еще, неповторимый музейный запах... И вот, наконец, в золотой раме, на фоне вишневой стены — она. Картина Брюллова «Последний день Помпеи»!

Какая огромная! Даже представить трудно, как можно было создать такую громадину! И сколько на ней людей!

Вот женщина с двумя дочками... Стоя на коленях, они прижимаются друг к другу. Рядом человек с бородой: папенька объяснил, что это христианский священник. Он вверяет себя Богу и по-

тому спокоен. А языческий жрец в белом одеянии мечется, надеется спасти какие-то драгоценности.

Вот — мужчина с женой и двумя детьми. Он прикрывает их плащом, будто он может защитить от града камней. А маленький мальчик смотрит на упавшую птичку — папа говорил,

что в тот день от жара гибли и птицы, и рыбы. Даже море отступило от берегов...

Почти в центре картины — лежащая на земле молодая женщина. Она, наверное, мертва... Рядом с ней плачет от страха маленький ребенок... Двое сыновей несут старика-отца... Сын умоляет мать собраться с силами, а она велит оставить ее и спастись одному. Папенька сказал, что это «группа Плиния» — был такой римский писатель, который видел то извержение своими глазами, а после все описал.

Кто еще? Да, молодой человек держит на руках девушку. Это его невеста — на ней венок из роз. И за ними всадник, в ужасе поднявший коня на дыбы.

Еще несколько человек на ступеньках большого здания. Оно называется... да, папа сказал — «гробница Скавра». Сре-

ди них — женщина, она смотрит прямо на нас. Даже страшно становится. Будто она одна поняла, что все погибнут, и прощается с нами. А рядом с ней художник с ящиком красок на голове — это Брюллов изобразил самого себя.

Папенька рассказывал, как много художник читал и изучал музеи. А потом поехал на раскопки Помпеи.

Подумать только — пепел покрыл погибший город слоем в две-три сажени! Это чуть ли не двухэтажный дом. А под ним все сохранилось, как было в тот день — мощеные улицы, красивые дома с удивительными росписями на стенах, фонтаны, дворики. В пепле остались отпечатки тел, следы ног и даже колеи от колесниц.

На картине все так удивительно нарисовано! Иначе, кажется, и нельзя было сделать. А папенька сказал, что Брюллов написал почти все не так, как полагалось. И что каждый большой художник нарушает существующие правила.

В те времена старались подражать творениям старых мастеров, умевших показать идеальную красоту человека. Это называется «классицизм». Потому и у Брюллова нет искаженных лиц, давки или неразберихи. У него совсем не

В.Маковский. *Портрет Е. Маковского — отца художника*

К.Брюллов. *Девушка, собирающая виноград в окрестностях Неаполя*

такая толпа, как на улице. Здесь нет ничего случайного, и герои так разделены на группы, чтобы можно было рассмотреть каждого.

И вот что интересно — лица на картине похожи, а позы — разные. Главное для Брюллова, так же как и для древних скульпторов, — передать человеческое чувство движением. Это трудное искусство называется «пластика».

Но у Брюллова много нового — и беспокойный свет, дающий резкие тени, и трагический сюжет... И героя главного нет.

А потом папенька спросил: что я могу сказать о людях на картине? И я ответил, что это благородные люди, потому что каждый старается помочь другому.

Потом он промолчал и спросил опять:

— Как ты думаешь, они спасутся?

Я ответил, что, наверное, нет.

К.Брюллов. *Сон молодой девушки перед рассветом*

К.Брюллов. *Всадница*

— Послушай внимательно. Я хочу, — сказал папа очень серьезно, — чтобы ты понял, почему эту картину встретили с таким восторгом. Так бывает, когда художник сумел понять и выразить что-то очень важное, что чувствуют все вокруг.

Он подумал, а потом сказал:

— Не знаю, поймешь ли ты... Но ты хочешь быть художником и должен знать, что великие произведения пишутся, как говорится, «кровью сердца».

Я действительно не очень понял, а папенька улыбнулся и объяснил по-другому:

— Ну вот подумай сам — ведь Брюллов изобразил трагедию, которая произошла чуть ли не восемнадцать веков

Брюллов Карл Павлович — знаменитый русский живописец. Родился в Петербурге в художественной семье 12 (23) декабря 1799 г. С десяти лет учился в Академии Художеств. Блестяще закончил ее и в двадцать два года был отправлен пенсионером в Италию, где написал несколько жанровых картин и портретов, в том числе «Всадницу». Он стремился вдохнуть жизнь и чувство в каноны классического искусства, обогатить их реальными деталями, подсмотренными у жизни.

С 1830 по 1833 г. работал над большим полотном «Последний день Помпеи», восторженно встреченным в Италии и во Франции. На выставке в Лувре оно было удостоено золотой медали. Брюллов являлся почетным членом Академий художеств Милана, Болоньи, Флоренции, Пармы.

Вернувшись в Россию в конце 1835 г., был избран профессором Академии Художеств. Имел много учеников и последователей. Участвовал в росписях Исаакиевского собора, задумал несколько исторических картин, в том числе из русской истории, — «Осада Пскова», но не сумел создать ничего подобного своей «Помпее». Высшие достижения этого периода связаны с портретом. Брюллов с одинаковым блеском исполнял как великолепные парадные, так и глубоко психологические портреты.

Тяжело заболев, Брюллов уехал на остров Мадейру, откуда в 1851 г. переехал в Италию, где умер 11 (23)? июня 1852 г.

назад, в другой стране — Италии! Эти люди погибли под ударами безжалостной стихии. Или, другими словами, они жертвы рока. Их смерть бессмысленна. И это особенно страшно. Казалось бы, зачем все это вспоминать?.. Но все это не случайно, мой мальчик. Ты знаешь, кто такой Гоголь?

Я даже обиделся.

— Конечно, это знаменитый писатель.

— Ну так вот, Гоголь сказал, что в этой картине Брюллова есть «вдохновение Петербурга». Как ты это понимаешь?

— Не знаю... — протянул я.

— Это значит, что Карл Павлович писал картину в Италии, а показал в ней то, что волновало его еще в Петербурге. Он многое видел в России, в том числе и восстание на Сенатской площади в 1825 году. Не нам судить этих людей. Они хотели убить царя и дать свободу людям. И погубили и себя, и своих близких. А люди это были замечательные. Умные, образованные, благородные. Выходит, их смерть и страдания тоже были бессмыс-

— Пытался. Но он столько вложил в «Последний день Помпеи», что ничего равного ей создать уже не мог...
 — Да-с... Не любил он Петербурга. Помнишь, я рассказывал тебе, как гостил он в Москве? Государь Николай Павлович грозен был, царство ему небесное... Требовал, чтобы Брюллов немедленно в столицу ехал, его там заказы срочные ждали. А Карл Павлович тянул, целых пять месяцев в Москве прожил. Говорил, что, мол, климата петербургского боится.

— Оттого, что здесь сыро всегда?

— Пожалуй, да, только не это было главным. Он гордый был очень, спину гнуть не желал. А при дворе, кто бы ты ни был, ласкают тебя из милости. А он в милостях не нуждался. Его за границей на руках носили с песнями и цвета-

ленными... В России это помнили все. Но и за границей Брюллов видел то же. Он передал в картине жар своего чувства и сострадания... Наверное, еще и поэтому изобразил себя вместе с ними... Если бы он сам не сумел это пережить, то и зрители остались бы равнодушными. Поэтому так и говорится — «кровью сердца»... Но хватит на сегодня. Потолкуем об этом после, когда подрастешь.

Володя долго еще лежал с открытыми глазами, вспоминая этот необыкновенный день и сам не заметил, как, наконец, заснул...

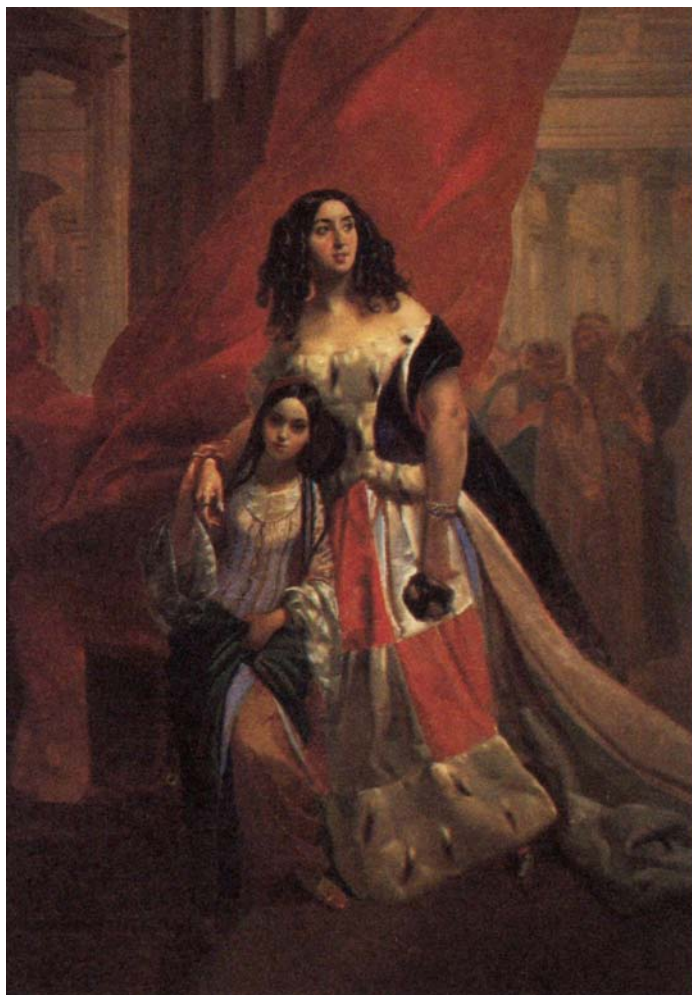
— А из русской истории Брюллов что-нибудь написал? — спросил Володя, едва они с отцом встретились за завтраком.

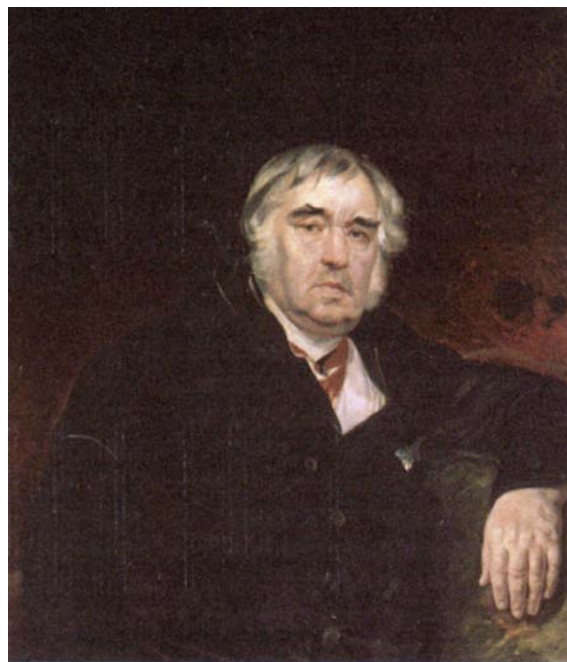
К.Брюллов. Автопортрет

К.Брюллов. Портрет сестер
 А.А. и О.А.Шишмаревых

К.Брюллов. Итальянский полдень

К.Брюллов. Портрет графини
 Ю.П. Самойловой,
 удаляющейся с бала
 с воспитанницей
 Амацилией Пачини

ми, все стены домов на улице в Риме, где он жил, его именем были исписаны. Встречали его всюду с таким восторгом — куда там королям да принцам! Их много, а Брюллов один. «Бессмертным» уже тогда называли. И в Петербурге сумел он Брюлловым

остаться: так и не стал писать портрет императора Николая Павловича, отговорился тем, что Его Величество на сеанс опоздал.

— И ничего ему за это не было?!

— Как сказать... Томился он, душно ему тут было. Сколько задумал всего, а выполнить не смог... А когда заболел, уехал обратно в свою любимую Италию — умирать.

— А почему у него фамилия такая? Он разве не русский?

— Настоящая его фамилия Брюлло. Его предки были французами. А букву «в» в конце фамилии повелел император Александр Павлович вписать, когда Брюллов с братом за границу отправились после Академии. Чтобы все знали, что они русские художники.

— Расскажи еще, как он в Москву приезжал.

— Да ты уж, поди, все наизусть помнишь? Как героя встречали, как победителя. В Москве нашей, знаешь ли, все проще, душевнее всегда. А он белока-

О.Кипренский. Портрет А.С. Пушкина

К.Брюллов. Портрет баснописца И.А. Крылова

К.Брюллов. Портрет Е.И. Мюссара и Э. Мюссар (Всадники)

менную-то нашу тогда в первый и последний раз видел. В какой восторг пришел от Кремля! Сколько планов было — и Наполеона писать, и Годунова, и Петра Первого... Только ему и вздохнуть-то не давали: с одного обеда да бала — на другой. Двадцать восьмого января — день его именин. Поэт наш великий Баратынский, в его честь стихи сочинил, а лучший московский певец, Лавров исполнял:

*Искусства мирные трофеи
Ты внес в отеческую сень...
И был «Последний день Помпеи»
Для русской кисти первый день...*

— Я помню, папа.

— Давно уж это было... Ты родился через десять лет, в сорок шестом, а уж и тебе одиннадцать. Пять лет, как умер Брюллов, а Пушкина нет уже больше двадцати... Пушкин ведь с Брюлловым в Москве познакомился, может, и на нашей квартире, не помню уж теперь...

Егор Иванович задумался на минуту, отдавшись воспоминаниям. Наконец, с улыбкой посмотрел на сына:

— Ну как, хорошо запомнил картину?

— Да, папенька, кажется, что я все смогу нарисовать по памяти.

— По памяти не надобно. Чтобы постичь великое произведение, надо его повторить во всех мелочах, пройти за мастером весь путь. Так и в Академии учили. Нынче, конечно, все уж не так. Но с почтением относиться к тому, что сделали до тебя, — это свойство истинно просвещенного человека. Успех в искусстве всегда дается дорогой ценой... Брюллова на руках из мастерской выносили, когда он «Помпею» писал — так уставал... Пойдем-ка теперь погуляем, голубчик, полюбуемся столицей.

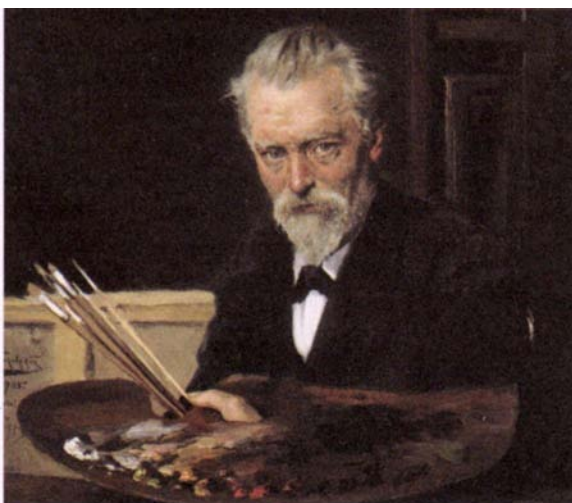
Под просторным петербургским небом они прошли Невский проспект, по

Дворцовому мосту перешли Неву, добрались до Сфинксов перед Академией Художеств. Сколько раз этим путем прошел когда-то создатель «Помпеи»!

Пролетят годы. Володя Маковский вырастет, станет известным художником. И однажды сделает рисунок, где Брюллов, Пушкин и другие гости слушают гоголевского «Ревизора» в доме его родителей, Егора Ивановича и Любови Корниловны Маковских.

Удивительные, далекие, прекрасные времена...

К.Брюллов. Портрет писателя А.К. Толстого в юности

В.Маковский. Автопортрет

Иванов Александр Андреевич —русский художник, сын академического профессора А.И. Иванова. Родился 16 июля 1806 г. Учился в Академии Художеств. Получил Малую, а потом и Большую золотые медали, однако не был послан в полагающуюся ему заграничную поездку: в картине «Иосиф, толкующий сны» власти усмотрели намек на казнь декабристов.

Поехал в Италию спустя три года, как пенсионер Общества поощрения художеств. За границей написал картины: «Аполлон, Гиацинт и Кипарис» (1831-34 гг.), воплощающую идею прекрасного искусства, возвышающего человека; «Явление Христа Марии Магдалине» (1833-35 гг.), за которую получил звание академика. Тогда же в нем вызревал замысел огромного полотна «Явление Христа народу» (1837-1857 гг.), в котором художник хотел выразить идею великого порыва человечества к свободе.

Революционные события в Европе в 1848-49 гг. поколебали уверенность художника в правильности выбранной им темы. Он все более охладевал к картине, считая, что она отстала от потребностей современной жизни. Последние годы жизни он все больше внимания уделял циклу акварельных и карандашных эскизов к монументальным росписям, названным позднее «Библейскими эскизами». Они отличаются гениальной свободой исполнения, полетом творческой фантазии и глубиной мысли.

Вернувшись в Россию, Иванов пробыл в Петербурге только шесть недель и внезапно скончался 3 июля 1858 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ РИМА

— Здравствуйте, Александр Андреевич, пожалуйста-с! — поклонился швейцар, придерживая тяжелую входную дверь.

Иванов улыбнулся своей доброй улыбкой, кивнул. Поднялся по лестнице, ощутил знакомый сквозняк неуютных коридоров, вдохнул воздух родной и ненавистой Академии, своей «alma mater»...

Сколько связано с ней! Уж столько лет прошло, а все помнится, как смеялись над ним однокашники — «в науках» не успевал, был медлительный, будто сонный. Да и то — каково им было, казеннокоштным, полуголодным! А он-то приходил из родного дома — чистенький, сытый... Сын профессора. Потому и преподаватели не очень верили в его способности, думали — отец помогает.

И вот теперь здесь выставлена его Картина. Чего это ему стоило!

За всю жизнь, кажется, не обошел он столько гостиных и присутственных

мест, как за последние недели. Вначале сбился с ног, хлопоча о доставке Картины из Рима в Петербург. Драгоценный «свиток» не помещался ни в вагон, ни в трюм парохода, на палубе свернутый холст едва не заливало водой, а рядом дымила топка... На пути в Кёльн Картина... потерялась! — даром что длина почти одиннадцать аршин, а высота восемь. И тут, в Петербурге, измучился в хлопотах: найти рамщика, натянуть холст на подрамник, перевезти в Белый зал Эрмитажа — показать Их Величествам, потом в Академию — на суд публики... Да все сам, и на каждом шагу — постоянное унижение.

А над входом в Академию Художеств по-прежнему висит мраморная доска с

надписью: «Свободным художествам». Да уж... Какая свобода, если в кармане ни гроша и даже краски купить не на что.

Что делать теперь с Картиной? Судьба зависит от какого-то «благодетеля». Теперь лето, все на дачах, к кому ни приедешь: то не вовремя, то недосуг. Фрейлины, гофмаршалы, сановники, профессора, а все одно — лакеи, стоящие у государевых палат.

Да разве кто-нибудь из них способен понять, каково это — двадцать лет иссушать свой мозг и напрягать все силы, чтобы создать истинно высокое произведение! Он не мог по-другому.

Он с ранней юности верил в то, что искусство должно преобразовать человека. Сделать так, как учат в Академии, верно нарисовать и построить картину, по правилам смешать и положить на холст краски, получить положенные награды, а потом, глядишь — профессорский чин — все это не так уж сложно. Но не

С. Постников. *Портрет художника А. Иванова*
И. Иванов. *Вид лестницы в Академии Художеств*
* А. Иванов. *Явление Христа Марии Магдалине после воскресения*

ради этого он отказывал себе во всем, часто питался одним хлебом, отверг радости семейной жизни, не выходил из мастерской месяцами, сходил с ума от одиночества и невозможности рассказать, какие замыслы зреют в его голове!

Всего несколько человек поняли его: любимые друзья Рожалин да Гоголь — оба уже умерли; Герцен... Остальные пожимают плечами: что, собственно, хотел сказать автор?

Двадцать восемь лет прошли за границей. Растаяла, как сон, целая эпоха. Умерли родные. Только брат Сережа остался.

Петербурга не узнать: на Дворцовой площади — Александрийский столп, невдалеке — громада Исаакиевского собора. В Михайловском идет

«Ревизор» дорогого друга — Гоголя.

Все изменилось, а меж людей все та же зависть, та же подлость. Так ради чего потрачена жизнь? Эта мысль засела в голове, и он охладел к Картине, потому и не закончил ее, хоть и не приметно это чужому глазу. Да-с...

Ну ладно, пойдем послушаем, что говорят...

Небольшого роста, коренастый, в мешковатом сюртуке, с длинной бородой, обрамляющей кареглазое лицо с крупными чертами и высоким лбом, Иванов медленно прошел в зал академического музея и встал в углу.

В зале еще пусто. Картина, окруженная десятками этюдов, светится голубым и зеленым. Как медленно и трудно рождалась она под его руками! Она росла, как дерево, каждый год прибавляющее новые ветви. И сколько он выслушал упреков, пока работал! Окрестили чудачком, нелюдимом, открыто говорили, что нет у него таланта, потому, мол, и тянет столько лет. Добрейший Жуковский — и тот бросил в сердцах: «Да куда же он пишет такую большую картину!» Неужто не понятно: всему положен свой масштаб. Лучше Гоголя не скажешь: «Вся картина есть мгновение, но то мгновение, к которому вся жизнь человеческая есть одно приготовление»...

Да, мечталось, чтобы каждый, кто увидел его картину, пережил душевное потрясение... Чтобы захотел войти в реку новой жизни, как те люди на полотне, что слышали слова пророка Иоанна и узрели Христа, величаво ступающего по каменистому склону. Вечный сюжет из Евангелия всем понятен. Но ведь он потому и понятен, что каждый человек и в любое время должен однажды решить для себя, что для него важ-

Ф. Моллер. Портрет Н.В. Гоголя

М.Воробьев. Исаакиевский собор и памятник Петру I.

А.Иванов. Аполлон, Гиацинт и Кипарис, занимающиеся музыкой

А.Иванов. Оливы у кладбища Альбано

нее: «любить ближнего, как самого себя» или жить только для себя одного. Подчиняться неправой власти или принять своим законом заповеди Христа. И каждый ищет свой путь. Недаром так горячо спорили они с Гоголем о смысле жизни и судьбах мира, недаром в прошлом году он ездил к революционеру Герцену в Лондон... Потому и хмурят лбы академические «небожители» — чувствуют, что что-то в его Картине «не так», что есть, есть в ней крамола. И эта крамола — призыв к свободе от любой власти, кроме власти совести и любви.

Конечно, все сравнивают с Брюлловым. Что говорить, он великий мастер. Но ежели бы у него в «Помпее» каждый выражал ужас свойственным только ему способом... Напугать пожаром легко. А взять мирный предмет — и показать преображение человека... Тут уж театральными позами да умело построенными группами не отделаешься. Здесь явление Спасителя-Мессии совершается прямо на глазах у смотрящего: исполняется вековая надежда по-

колений, преображается мир. Тут нужна... великая тишина, чтобы все было выразительно и сокровенно.

Хотелось всех «связать» в одно целое, но чтобы и всякий был на особицу — со своими переживаниями. Прекрасно бледное вдохновенное лицо Предтечи, Иоанна Крестителя: огненные глаза, могучая сила духа. За ним слева ученики Христа, будущие апостолы: рыжеволосый Иоанн Богослов, напрягающий слух глуховатый Петр, благородный Андрей, сомне-

вающийся Нафанаил... Иоанн, любимый ученик Христа, преисполнен волнения, оно передается через теплые цвета его одежд и в «беспокойных» складках. Иоанн Креститель прост и суров. Простой плащ из грубой ткани свободно ниспадает с его плеч поверх одеяния пустытника из верблюжьего волоса. Нафанаил отчужден и замкнут, он в размышлении: глаза опущены, руки сложены, складки одежды прямые, они словно застыли, как каннелюры на колоннах. Язык драпировки красноречив — этому учат и древнерусские иконы и великие мастера Италии.

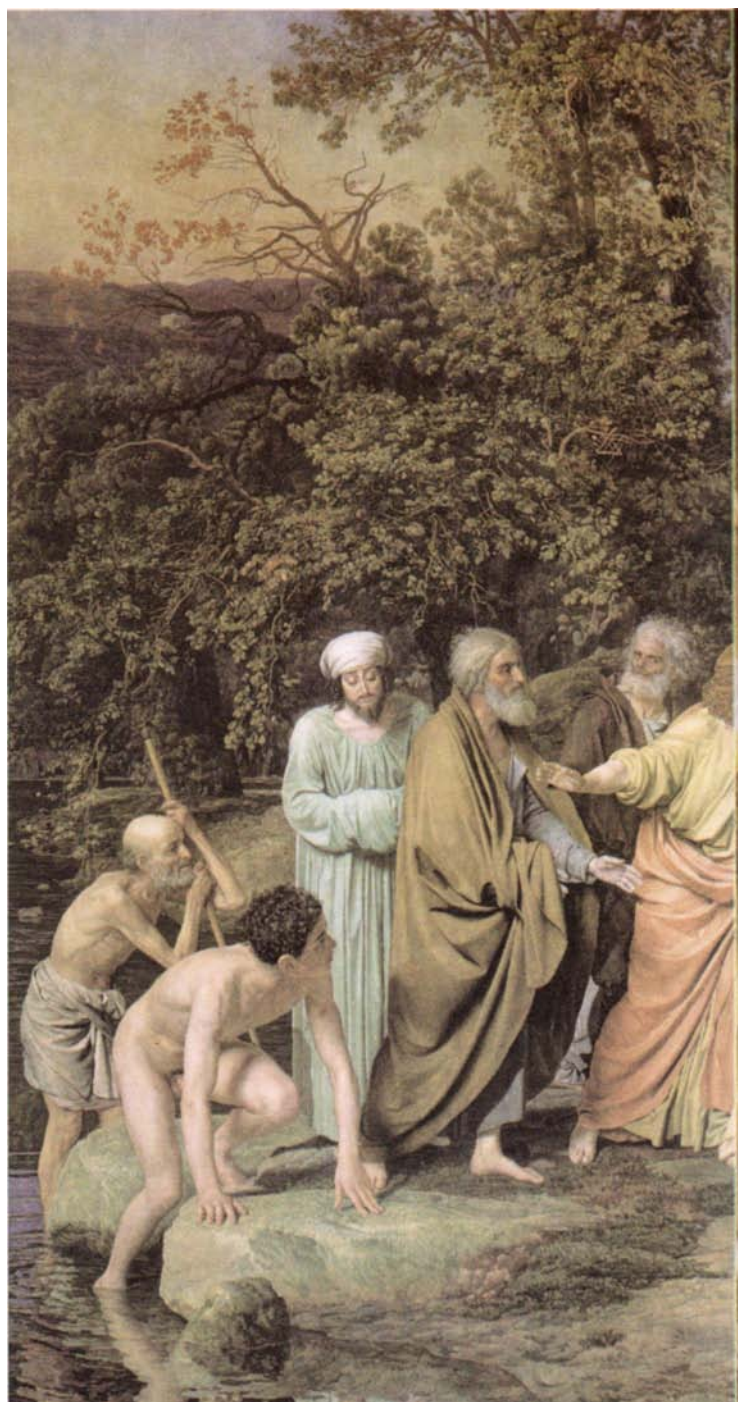
Безошибочный рисунок, «говорящая» пластика — эти приемы освоены еще в Академии. Согбенность дрожащего человека, минуту назад принявшего крещение, робость и вера внимающего Крестителю прекрасного юноши, уверенная властность богача (он сидит в центре спиной к нам) и испуганный порыв юноши — он у правого края картины...

И лица... Никто не понимал, зачем ему столько этюдов? Да потому, что здесь, на берегу Иордана, изображен целый народ, а может, и весь род людской — старый, и молодой, богатый и нищий, милостивый и беспощадный, доверчивый и сомневающийся, свободный и невольник... Потому и нужно было столько раз писать каждого героя — чтобы понять и, наконец, передать, как выражаются разные чувства: тайная радость «дрожащего», раскаяние сидящего перед пророком мытаря — сборщика податей; гнев, высокомерие, надменная неприступность вероучителей-фарисеев в чалмах; равнодушие и праздное любопытство случайных прохожих. Надо было найти для этих древних — лица среди современных людей, показать, какие они все разные, и чтобы в каждом лице угадывалась судьба, настоящий человеческий характер. Вот на что ушли годы и годы...

И раб... Он появился чуть ли не последним. Хотелось показать, как в самом униженном из униженных слово

Христа рождает надежду, как восстает и в нем из праха и ничтожества Человек. Вначале хотел написать его с выбитым глазом, с клеймом на лбу. А потом понял, что дело не во внешних признаках, хватит и одной веревки на шее.

Раб только по шуму голосов и словам пророка понял, что долгожданный жи-

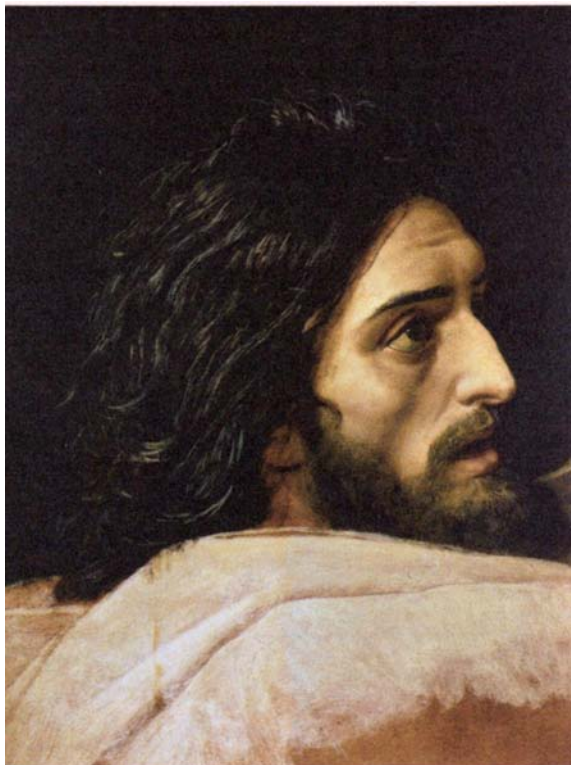

А.Иванов. Явление Христа народу

вой Бог-избавитель действительно пришел к ним. И его губы с трудом раздвигаются в улыбке, и внутренний свет озаряет лицо. Вот это и было самым трудным — внутренний свет. И отблеск этого преображающего душу света на лицах всех, принявших крещение.

Иванов очнулся от шума. В зал впрорхнула стайка щебечущих дам и сразу заполнила его своими огромными кринолинами. Щегольского вида молодой человек занял позицию в центре и сразу зажестиковался. В одной руке, конечно, «Сын отечества». Ну что ты будешь делать! Какой-то Толбин, ничего

Крещение — обряд, символизирующий очищение души от грехов и преданность Богу. В этом был смысл омовения в воде, к которому призывал Иоанн Креститель, или Иоанн Предтеча (предшественник, провозвестник, тот, кто идет впереди). Он был последним из пророков Ветхого Завета, его Иисус назвал величайшим из пророков. В Иудейской пустыне он собирал вокруг себя народ, подавая пример своей аскетичной жизнью, проповедью покаяния и крещения и направлял людей ко Христу.

В священных книгах Нового Завета — Евангелиях, написанных учениками Христа, апостолами Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном, рассказывается, что и Христос принял крещение от Иоанна в Иордане — главной реке Палестины.

В момент крещения Иисуса было явлено чудо: над головой Христа явился Дух Святой в виде голубя, и все присутствующие услышали голос с неба: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение». (Матф., 3, 17)

На картине Иванова запечатлено событие, предшествующее крещению. Иоанн Креститель указывает народу на Христа и возглашает: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом святым и огнем...» (Матф., 3, 11)

не понимающий в искусстве, успел тиснуть в журнале статью, и теперь все читают и понимающе кивают головами.

Вот опять многозначительные улыбки и смешки. Видно, молодой человек как раз читает о недостатке целомудрия, много, мол, обнаженных в картине. Ну, это и вовсе внимания недостойно: люди-то ведь крестятся в реке, смывают водой крещения с души и плоти греховное прошлое, чтобы последовать за Христом. Да и разве все великое искусство от антиков до наших дней не воспевает красоту человеческого тела?

Ага, вот и главное: всезнающий ценитель насмешливо тычет пальцем в нижний край — читает, надо полагать, о колорите, особенно про живопись воды. Об этом, мол, нечего и говорить, и так все видно. Как это там написано? «Разрисована какими-то фиолетовыми, синими и пунцовыми фестонами».

Ну, как объяснить, что эта живопись и есть правда?! Прежде все исторические картины писались при искусственном свете, потому и цвет условен, без оттенков, и тени резки, во всем господствует мертвое правило, а не живое впечатление. Попробовали бы наставники изобразить такую сцену при свете дня! Нужно было забыть почти все, чему учили в Академии, и самому, потихонечку — шаг за шагом, мазок за мазком — учиться у природы. Видеть, что неживой предмет и тело человека не всегда одного и того же цвета. От неба — голубые «рефлексы», от земли — теплые, коричневатые, отливцы деревьев — зеленые. А все вместе! Попробуйте передать, как меняется, отдаваясь, цвет предмета, как ослабляет его воздушная голубая дымка! А как удивительно преобразается один и тот же пейзаж в разное время дня!

Сколько изощрял он свой глаз, сколько раз приходил в отчаяние! Даром что ли чуть не ослеп — много лет проходил в синих очках, снимая их только для работы.

А.Иванов. Голова Иоанна Крестителя

А.Иванов. Ветка

Сотни этюдов... Увидеть и сохранить на холсте неуловимо меняющийся цвет журчащей воды и складки земной коры, серебристую листву олив и оттенки изборожденных морщинами серых стволов. Есть среди этюдов и такие, которые смело можно поставить рядом с Картиной. Вот «Ветка». Это чувство счастливой наполненности от красоты мира, воздушное море, в котором веточка, подсвеченная солнцем, переливается, словно драгоценность, голубыми, зелеными, желтыми оттенками! Да ведь это и есть самая большая драгоценность — данный нам мир! Имеющий глаза да увидит!

Перед этим высоким миром неважным кажется все: и глупые статьи в газетах, и холодная публика, и сегодняшние его хлопоты и заботы. Все пройдет. А его Картина, если есть в ней хоть что-то от того, чем он дышал и мучался долгие двадцать лет — она останется. Разве это впервые?

И все же как горько — и как странно! Никем не признанный, он стоял поодаль, слушая доносившиеся от зрителей-соотечественников жестокие, несправедливые слова. Почти всю жизнь он слышал только их...

Боже мой, как тут душно! Чтобы служить Искусству, как подобает, художник должен быть спокойным и независимым. Разве здесь это возможно? Скорее бы в Италию! Столько новых замыслов! Тишина мастерской, улыбающиеся лица прохожих, солнце, запах спелого винограда, шумное веселье собратьев в уютном кафе Греко... И главное — свобода!

Правда, всего месяц, как он вернулся. Конечно, и здесь найдутся те, кто сумеет постичь и объяснить другим высокую мысль его Картины. Дожить бы только до этого, увидеть...

Но этому не суждено было сбыться — Александру Иванову жить оставалось всего около недели...

Петр I Великий (1672-1725 гг.), сын царя Алексея Михайловича, русский царь с 1682 г., 1721 г. — император. Целью его многочисленных преобразований было стремление преодолеть отсталость России, поставить ее в один ряд с европейскими странами. На государственную службу стали выдвигаться и представители дворянства, обратившие на себя внимание личными заслугами. «Табель о рангах» предусматривал последовательное прохождение всех ступеней службы, как военной, так и гражданской.

Петр I создал русскую регулярную армию и флот. Во время его правления были значительно расширены границы России. После Северной войны со Швецией (1700-1721 гг.) был возвращен издревле принадлежавший России Финский залив и открыт выход в Балтийское море. В 1703 г. на новых землях был заложен Санкт-Петербург, провозглашенный в 1712 г. столицей.

Возникла новая система образования, была основана Академия наук (1724 г.) с гимназией и Университетом, открылись школы для подготовки разнообразных специалистов, появились первые музеи, театры, библиотеки. Даже одежда и обычаи изменились в соответствии с европейской модой.

Петровские преобразования вызвали острое недовольство реакционного боярства и духовенства. Во время царствования Петра I неоднократно раскрывались жестоко подавлявшиеся заговоры.

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС

Стены этого кабинета помнят то, что произошло полтора века назад... Помнят, но не расскажут. Значит, нужно самому понять, представить и воссоздать, как это могло быть.

Странно, что именно сюда, в Петергоф, призванный затмить своим блеском знаменитый Версаль, привез когда-то Петр I своего сына для последних допросов.

Николай Николаевич Ге присел на стул и глубоко задумался...

Май 1718 года. Уже четвертый месяц идет следствие. Петр знает обо всем, что замышлял против него единственный сын, наследник престола. Все давно ясно, но император колеблется — как поступить? Родной сын, его кровь...

Сколько уже сделано! И выход к морю отвоевал, и столицу новую воздвиг, и «льву» шведскому когти укоротил... Армия есть, флот построил, торговлю наладил. От иностранцев отбою нет — прознали, что в варварской России работы много, и умеющих работать по труду жалуют. Да и свои мастера какие хошь — выучились кто в Голландии, кто в Германии, а кого и во Францию или в Англию посылали.

Все-все перевернул он на новый лад! Жесток был, это да. Так по-другому-то и нельзя: известно, если кого пожалеешь, он тебе завтра голову снесет: везде враги-бояре затаились. Виктории без опыта да крови не приходят. Да и нечего людишек жалеть, коли дело государственное! И сам ведь тоже не знал ни дня отдыха, недосыпал, работал, как мастеровой, не щадил себя в боях и походах, простужался, страдал лихорадкой, учился сам и учил других.

Неизвестный художник. Портрет Петра I на троне
Е.Лансере. Корабли времен Петра I
Неизвестный художник. Царевич Алексей
Е.Лансере. Петербург в XVIII веке.
Здание Двенадцати коллегий

Дабы уверились все, кто считал Россию легкой добычей: на силу русские ответят силой, заставят уважать себя.

И знать, что после твоей смерти все пойдет прахом! Что единственный сын только и ждет, чтобы вернуть все в стоячее болото! Не бывать этому!

В монастырь сослать? Да монашеский клобук не гвоздями к голове прибит, снял — да и забыл. И война ныне еще не кончена, иностранные послы-хитроумцы только и ищут какую брешь. А тут — наследник, ближайшая к императору особа! Предатель!..

Так, наверное, думал Петр Великий. Он принял решение, и только он знал, чего ему это стоило. Плоды его реформ повсюду, и Россия ныне — могучая страна. И это — главное.

Алексей Петрович (1690-1718 гг.) — царевич, старший сын Петра I от брака с Евдокией Лопухиной. Стал оплотом противников реформ своего отца. В конце 1716 г. бежал в Вену, надеясь на поддержку австрийского императора. Был возвращен в Россию и после суда казнен в ночь на 26 июня 1718 г.

Ге Николай Николаевич — русский художник. Писал картины на исторические, религиозные темы, портреты и пейзажи. Родился 15 февраля 1831 г. в Воронеже.

Учился в Киевском, а затем Петербургском Университетах. В 1850 г. поступает в Академию Художеств. В 1857 г. заканчивает ее с золотой медалью и отправляется в пенсионерскую поездку в Италию.

В 1863 г. получает звание профессора за картину «Тайная вечеря». Библейский сюжет раскрывается в ней как драма людей разных воззрений.

Картина «Петр I и царевич Алексей» была выставлена в 1871 г. Почти восемнадцать лет после этого Ге пишет преимущественно портреты. Однако в последние годы своей жизни он неожиданно выступает с циклом произведений на евангельские сюжеты. В картинах «Что есть истина?», «Суд Синедриона», «Голгофа», «Распятие» Христос предстает некрасивым, мучительно страдающим человеком. Необычное истолкование сюжетов и манера письма вызвали крайне резкую реакцию со стороны властей: эти картины запрещались к показу.

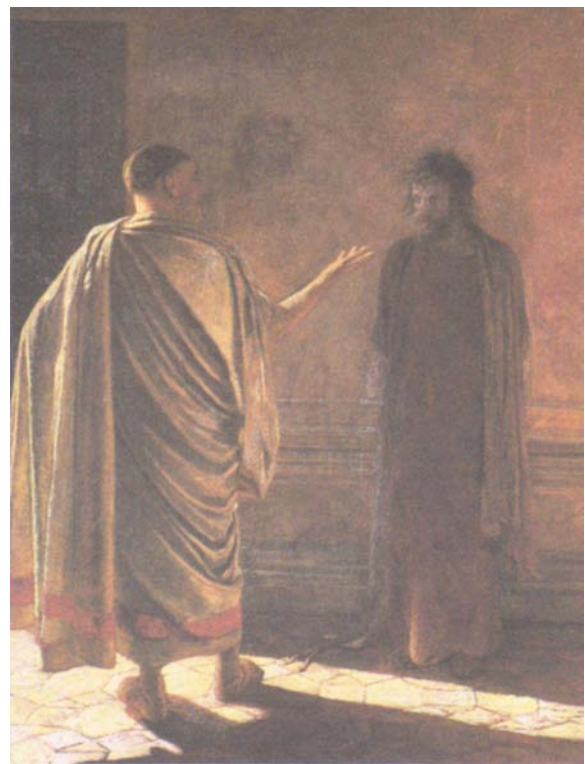
Ге — член-учредитель Товарищества Передвижных художественных выставок; близкий друг Л.Н. Толстого и последователь его учения. Многие годы прожил в своем хуторе в Черниговской губернии, где и умер 1 июня 1894 г.

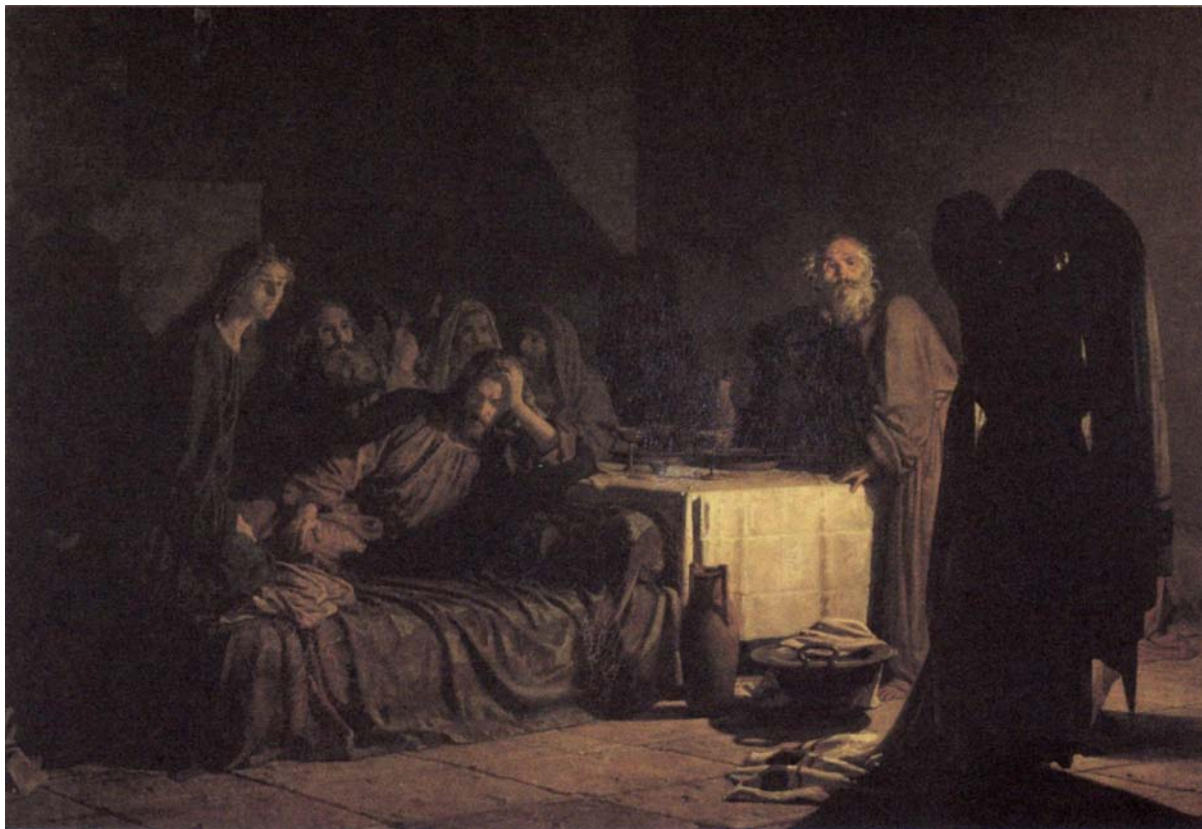
Николай Николаевич Ге последний раз окинул взглядом обстановку сумрачного кабинета: темные стены, камин, голландские картины в рамах, стулья с резными спинками, выложенный черно-белыми плитками пол —

Нужно сохранить в памяти всю силу первого впечатления, чтобы оно осталось в картине.

Полюбовавшись немного сверкающими в солнечных лучах петергофскими фонтанами и позолоченной скульптурой, Николай Николаевич пустился в обратный путь.

Под цоканье копыт мысли улетели далеко-далеко... Вспомнилась Италия, ее горячее солнце. Перед глазами мелькали пейзажи и лица. Огромная картина в огромной мастерской — «Явление Мессии» Иванова. Как поразила она его тогда! Пожалуй, не меньше, чем за много лет перед тем Брюллов. Да, помнится, почти год не мог видеть ничего другого, все заслонил собой «Последний день Помпеи»!.. Конечно, теперь стало хорошим тоном пинать мертвого льва. Каждый норовит обвинить Брюллова в условности и внеш-

нем эффекте. Неблагодарные! Сколько в «Помпее» живого чувства, несмотря на все академические условности! Можно сказать, первая русская историческая картина.

А Иванов... Какие удивительные открытия в живописи! И какой шаг вперед в исторической точности и психологии! Но большинству публики это и поныне недоступно.

Настали другие времена. Нужны картины правдивые, живые, понятные всем. Не чужую природу и не древнюю историю нужно в них показывать, а свое, родное. Потому и родилась идея Товарищества Передвижных выставок. Везти выставки по всей России, показывать их за небольшую плату, чтобы не зависеть ни от Академии, ни от милости императора, чтобы новое русское

искусство мог видеть и оценить народ, а не только «чистая публика» и академический «синклит». Немало сил на это положил и он, Николай Ге. Осенью должна открыться первая выставка.

Это будет огромное событие!

Н.Ярошенко. Портрет художника Н.Н. Ге
Н.Ге. «Что есть истина?». Христос и Пилат
Н.Ге. Тайная вечеря
Н.Ге. Голгофа

Скоро двести лет со дня рождения Петра Великого, все только и говорят о юбилее. Но всю правду о великом преобразователе не знает, наверное, никто. Русская история темна. Напрасно император Николай Павлович надевал колпак и халат Петра I, напрасно прохаживался по кабинетам Петергофа — вторым Петром он не стал. Тридцать лет держал страну в железном кулаке. А чем кончилось? Позором Крымской войны. Ходят слухи, что не смог Николай I пережить позор, что умер на своей смерти, а отравился. Кто знает?

Все перевернулось сейчас в России. Как будет — никто не знает. Крепостное право отменено, страна бурлит... Поэтому и интерес такой к прошлому. Вон как расхватывают исторические книги Николая Ивановича Костомарова — почище любых романов! Как это говорил Гоголь? «Мы допрашиваем прошлое, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о будущем...» Именно так!

Ну, вот и приехали... Васильевский остров, Ростральные колонны, слева — любимое навсегда здание Академии Художеств. Седьмая линия, флигель во дворе с лестницей, украшенной толстыми колоннами — его нынешний дом.

Прохлада небольшой полупустой мастерской. Одинокий холст на мольберте. На нем еще только намечен Петр, стоящий во весь свой громадный рост, на фоне окна.

Нет, все не так! Не должно быть никаких внешних эффектов — грозных же-

Н.Ге. *Дорога в лесу*

Н.Ге. *Мраморная пыльня в Карраре*

стов и заломленных рук. Зритель не ужасаться должен, а задуматься о судьбе великого человека, о том, какой ценой дается прогресс.

Об этом много рассказывал ему Костомаров. Гибель царевича в масштабах истории была закономерной, хотя и несправедливой. До девяти лет Алексей жил с матерью, а ее, свою венчанную супругу, Петр незаконно и безвинно сослал в монастырь. Вырос царевич среди людей, отца его люто ненавидевших. И напрасно с десяти лет Петр I возил его с собой в походы, приучал к делам государственным — Алексей с младенчества боялся и тоже ненавидел его. Потому и стал он опорой врагов первого российского императора.

Не раз и не два предупреждал сына Петр, грозил отречением и монастырем. И хотя характер у Алексея был не отцовский — трусливый, неверный, скрытный, а от своей правды он отступить не мог. К вину пристрастился ра-

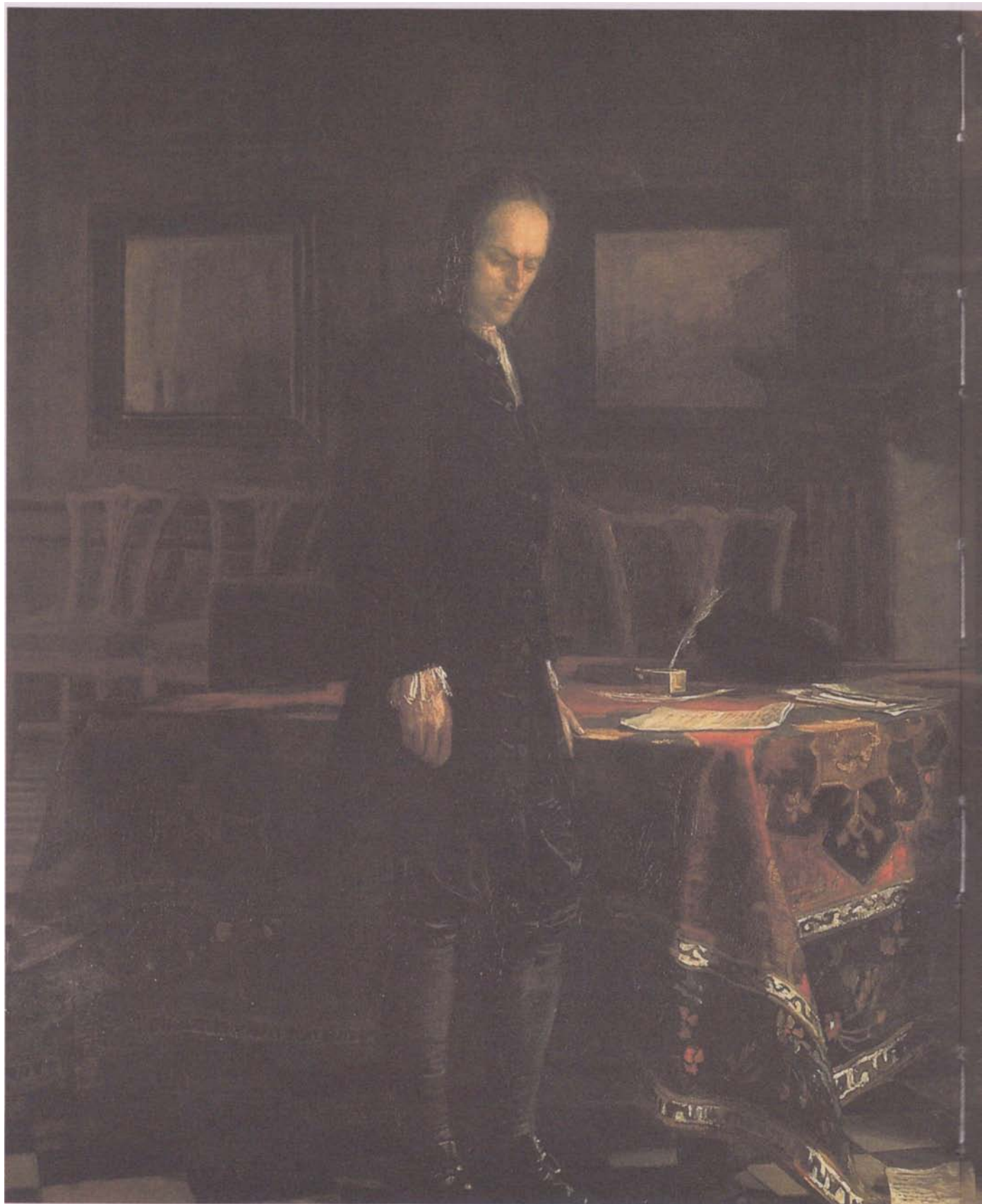
но, в похмельном угаре много чего кричал: что всех отцовских приближенных после его смерти сошлет, что Москва опять столицей будет, что земли, завоеванные кровью, вернет прежним владельцам. А, почувствовав опасность, и вовсе сбежал за границу, просил помощи у иностранных государей. Из трусости да глупости позволил привезти себя обратно. Всех выдавал, сваливал вину на других. Отрекся от наследства в пользу малолетнего сына, потом валялся в ногах, плакал...

Но показать нужно не это. Никаких свидетелей, орудий пыток. Нужно выбрать момент самого последнего, бесповоротного, решения: ради высшего долга преступить отцовское чувство. Вот эту трагедию и должны ощутить зрители!

Петр будет сидеть. Да, я посажу его на такое же кресло, обитое ковровой тканью, что видел сегодня. И на столе

Н.Ге. Портрет Н.И. Петрункевич

Н.Ге. Мост в Вико

будет ковер — я срисовал его с голландской картины в Эрмитаже. Полумрак, а ковер яркий, с красным фоном. На темном фоне ярко освещенные лица Петра и Алексея: два человека на полу в черно-белую клетку, как фигуры на шахматной доске. Что движет ими? История. Ни тот, ни другой не могут сделать и шага назад. У каждого своя правда. И это всего страшнее.

Николай Николаевич закрыл глаза, чтобы лучше представить себе лицо Петра. Сколько он видел его портретов! И в каждом — громадная воля, нечеловеческая энергия, сила, которой невозможно сопротивляться!

Он изобразит самодержца иным. Никакой ярости в лице, безумных глаз. Скорее мука, обида, презрение. Решение уже принято. «За мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя, непотребного, пожалеть?» Значит... казнь.

Алексей... Не раскаялся, нет. Глаза опустил, лицо бледное, узкое, причесан гладко, он без парика. Худой и высокий — в отца. Застыл перед Петром, глаза отвел, отстранился. В глубине души еще надеется.

На столе чернильница с гусиным пером, допросные листы. Один из них на полу, может быть, его бросил сам Петр, распаляясь гневом, или он упал от удара его кулака по столу. Минута ужасной тишины... Да, именно так!

Ге порывисто вскочил со стула, откинул со лба длинные волосы. Ну что ж, главное решено. Теперь надо приниматься за дело.

Самыми знаменитыми картинами первой выставки Товарищества художников-передвижников были — «Грачи прилетели» Алексея Саврасова и «Петр I допрашивает царевича Алексея» Николая Ге. Они открыли новую эпоху русского национального искусства.

*Н. Ге. Петр I допрашивает царевича
Алексея Петровича в Петергофе*

ГДЕ НАЙТИ БОЯРЫНЮ?

Суриков задумчиво сидел перед огромным полотном, натянутым на подрамник. Он чувствовал, что это будет лучшая его работа. Но не было самого важного — лица главной героини.

Он вспомнил, как много лет назад, гуляя по московскому скверу, вдруг заметил на белом снегу ворону. Она сидела, отставив в сторону черное поврежденное крыло, и при его приближении не двинулась с места, только выше подняла голову, неловко повернув шею и недоверчиво следя за ним круглым глазом. Он остановился, будто споткнувшись. Эта подбитая птица кого-то напомнила ему... Но кого? И вдруг он понял — боярыню Морозову! И вся картина, целиком, вдруг встала перед ним.

И вот почти все уже сделано. На рынках, кладбищах, у церквей, в самых глухих закоулках Москвы нашлись его герои. Столько интересных людей! А сколько смешных случаев! Ведь не каждому объяснишь, зачем художнику нужно срисовать твое лицо — многие боятся нечистой силы или сглаза и стараются уйти от греха подальше.

Суриков усмехнулся. Вон стоит похожий на него самого странник с посохом. Увидел как-то этот посох у одной ста-

рушки, обрадовался, кинулся за ней: «Бабушка, бабушка, дай посох!» Та руками всплеснула, посох бросила и бежать!

А вот на снегу юродивый сидит. Тоже целая история... Он на толкучке огурцами торговал. И видно, что головой-то поврежден. Жалко его, а что делать? Так и писал его прямо на снегу в одной холщовой рубахе... Водкой потом оттирал и выпить дал «для сугреву».

И вот теперь дело за главным — сделать так, чтобы лицо боярыни было самым ярким в этой толпе. Где же найти такую, как в преданиях? Чтобы и в унижении и в мучениях была сильнее всех!?

Он вспомнил, как давным-давно, еще совсем маленьким, он впервые услышал рассказ о боярыне. Увидел строгое лицо своей тетки Ольги Матвеевны, услышал ее голос, певуче выговаривающий непонятные странные слова...

— Тетенька, а бояре — это кто?

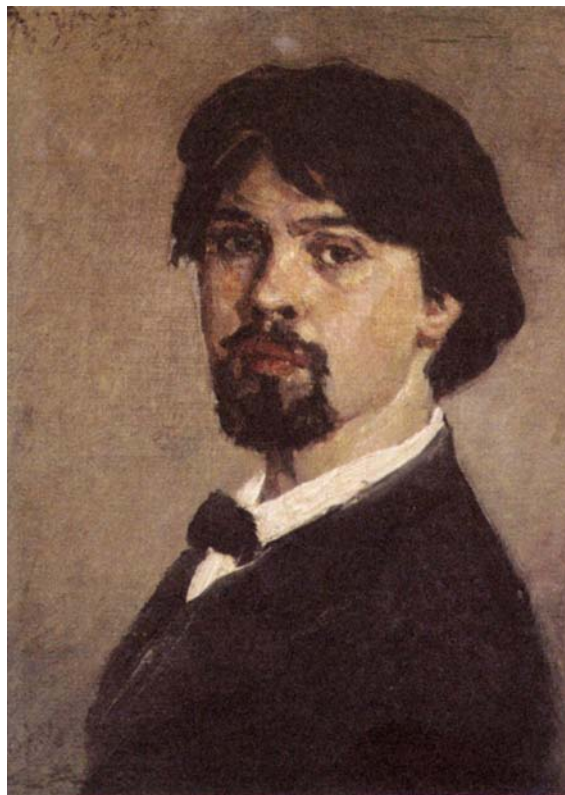
— Это, Васенька, самые богатые люди, что при царском дворе жили. Их фамилии из века в век записывались в родовых книгах, и они гордились, что такие старинные корни имеют. А боярыня Морозова чуть не самой знатной была. Тогда царь Алексей Михайлович правил...

— А почему ее «раскольницей» называли?

— Староверка она была. Во всем придерживалась правил древнего благочестия. А в то время как раз раскол в церкви случился. Патриарх Никон тогда во главе церкви стоял и уговорил он царя исправить все церковные книги. Наша вера ведь, христианская, пришла к нам из Царь-града, из Константинополя. И книги церковные были на другом языке написаны, на греческом. Когда с одного языка на другой переводили да переписывали много раз, ошибки всякие, конечно, получались. Ведь старинные-то церковные книги из века в век от руки писались, писцами.

— Значит, боярыня ошибки защищала, раз против выступила?

— Она, вишь, думала, что нарушение старых правил — это надругательство над Богом, кощунство. Как привыкли давным-давно называть Бога «Исус Христос», а не «Иисус» и креститься двумя пальцами, а не тремя, значит, ничего и менять нельзя. Это для нее са-

Суриков Василий Иванович — русский исторический живописец. Родился

12 (24) января 1848 г. в Красноярске в семье, принадлежащей к старому казачьему роду. Обстановка детства в Сибири, во многом сохранившая старые обычаи, дала ему запас уникальных впечатлений, отразившихся в его творчестве.

Учился в Петербургской Академии Художеств в 1869-1875 гг. Отказался от заграничной поездки. Взяв заказ на роспись храма Христа Спасителя, переехал в Москву.

Главные картины: «Утро стрелецкой казни» — 1881 г.; «Меншиков в Березове» — 1883 г.; «Боярыня Морозова» — 1887 г.; «Взятие снежного городка» — 1891г..

Действующим лицом в них чаще всего выступает народ. Суриковская толпа — это собрание удивительных человеческих характеров.

Замечательно умение художника даже в трагических по теме картинах передать красоту и национальное своеобразие русской архитектуры, одежды, многочисленных подробностей, которые он так любил. Колорит его работ отличается особой красотой цвета; манера исполнения очень разнообразна.

Умер 6(19) марта 1916 г. в Москве.

В.Суриков. *Сибирская красавица*
(Портрет Е.А. Рачковской)

В.Суриков. *Взятие снежного городка*

В.Суриков. *Автопортрет*

мое дорогое было. Она и богатства все свои церкви отдала, и тайно в монахини постриглась. И не одна она такая была — много их было, раскольников-то. Предводитель у них был, протопоп Аввакум, его сожгли потом. Так он знаешь, как о ней писал-то? «Персты рук твоих тонкостны, а очи твои молниеносны, бросаешься ты на врага, аки лев!» И сам за веру погиб, и она.

— А боярыня знала, что ее убить могут? Почему же не скрыла, что она за старую веру?

— Что ты! Она и сына своего не пожалела! Ей говорят: погубишь ты сына-то! А она и отвечает: мол, пусть при мне выведут моего сына Ивана на Пожар — на Красную площадь, значит, и отдадут на растерзание псам, я и тогда не отступлюсь от своей веры. Ее мучили, хотели, чтоб она отреклась и на других староверов тайных указала. Все пытки выдержала! А потом кинули ее в простые сани — бояре-то всегда в каретах ездили — да и повезли по всей Москве, как зверя какого, чтоб, значит, надсмехаться, да и другим пригрозить. А потом в Боровске бросили в земляную яму. От голода она там и померла.

— И победил Никон староверов?

— Нет, так с тех пор раскол в церкви и остался. И сейчас еще много тех, кто по-старому верит.

— Значит, зря погибла боярыня?

— Эх, милый, не людское это дело — судить, а божеское. Нам того знать не дано. А сила ее, стойкость — это, видишь, и по сю пору осталось. Сколько уж времени прошло — а не забыли бояр ыню.

Суриков встал, еще раз окинул взглядом огромную картину. Взгляд остановился на лице мальчика, идущего рядом с са-

нями боярыни Морозовой. Хорошо получился. Как раз так, как хотел. Глаза у мальчика изумленные, будто улыбнуться хочет, а не может. Понять хочет, что же происходит.

Люди... Так хочется, чтобы задумались они, стоя перед его картиной, почувствовали этот воздух прошлого, который он так хорошо знает сам. Детство-то прошло в Сибири, все нравы, все обычаи сохранились там, как в старинном сундуке.

Трудно было ему к Петербургу привыкать, когда он в столицу-то явился, в Академию художеств поступать. Верхом на огромном осетре всю страну, считай, проехал: тогда из Сибири слали всякие гостинцы министрам, вот он и воспользовался оказией. А уж как намерзся в своем тулупчике!

Но, видно, не напрасно. Две первые картины у Третьякова в Галерее висят, и эту приходил уже смотреть Павел Ми-

хайлович, приценивался... А все никак не получается закончить. Ну что ж, видно, делать нечего. Придется еще раз съездить к староверам, на Преображенку, может, повезет.

Знакомая ограда и лица знакомые — почти всех переписал для своих картин. Его уж и чураться перестали. Нравится им, что он серьезный, не курит, что родом из казаков.

Издаেকে узнал одну старушку, поклонился. Степанида Варфоломеевна (имечко-то какое старинное!) расплылась в улыбке:

В.Суриков. *Переход Суворова через Альпы в 1799 году*

В.Суриков. *Покорение Сибири Ермаком*

В.Суриков. *Утро стрелецкой казни*

В.Суриков. *Менишников в Березове*

— Слышь-ко, Василий Иванович! Ты давеча все спрашивал, нет ли кого нового. Вчера ко мне племянница приехала с Урала. Тоже из наших, староверка, начетчица. Анастасия Мхайловна зовут!

Не очень надеясь на удачу, Суриков пошел за нею в дом. И обомлел, увидев необыкновенное лицо женщины, что обернулась к нему.

Худое, с прозрачной бледной кожей, с тонкими, прихотливо вырезанными чертами, строгими глазами в обрамлении черного платка. Она, боярыня!

Трясущимися руками установил он мольберт в небольшом садике около дома, за два часа написал этюд — и понял: он из лучших за всю жизнь!

Добравшись до дома, сразу кинулся к картине. Волнуясь, быстро перенес эти удивительные черты на холст, чуть-чуть их изменяя. Отошел, чтобы охватить глазами все целиком.

Победила! Ее лицо действительно стало центром огромного полотна. Оно, как магнитом, приковывало к себе внимание. И этот ее жест — смелый и непреклонный... Боярыне Морозовой трудно пошевелиться — истерзано ее тело пытками, но она все равно тянет вверх руку с двумя поднятыми перстами — символом своей веры. «Тако крещусь, тако же и молюсь!»

Победила! Вместе с ней победил и он, Василий Суриков. Главная картина его жизни была завершена.

Раскол — религиозно-общественное движение XVII в. Реформы патриарха Никона состояли в исправлении в соответствии с греческой традицией богослужебных книг и обрядов. Среди «староверов» наиболее известен был протопоп Аввакум, сожженный в 1682 г. вместе со своими единомышленниками. Старообрядчество существует доныне и в России, и за рубежом. Важнейший центр его с XVIII в. — Рогожская церковь в Москве.

Морозова Феодосья Прокопьевна (год рождения неизвестен) — жена боярина Глеба Ивановича Морозова, близкого царю Алексею Михайловичу. Рано овдовев, тайно постриглась в монахини. Была яркой последовательницей протопопа Аввакума. По указу царя Алексея Михайловича все ее имущество и имения были конфискованы, а сама она сослана в Боровский Пафнутьевский монастырь, где и умерла в остроге от голода в 1672 г.

В.Суриков. *Посещение царевной женского монастыря*

В.Суриков. *Боярыня Морозова*

Н.Неврев. *Патриарх Никон*

ТИРАН И ВАНДАЛ

Январским днем 1910 года по чинным залам Третьяковской галереи внезапно разнесся истошный крик:

— Господи! Да что же это ты делаешь? Помогите!

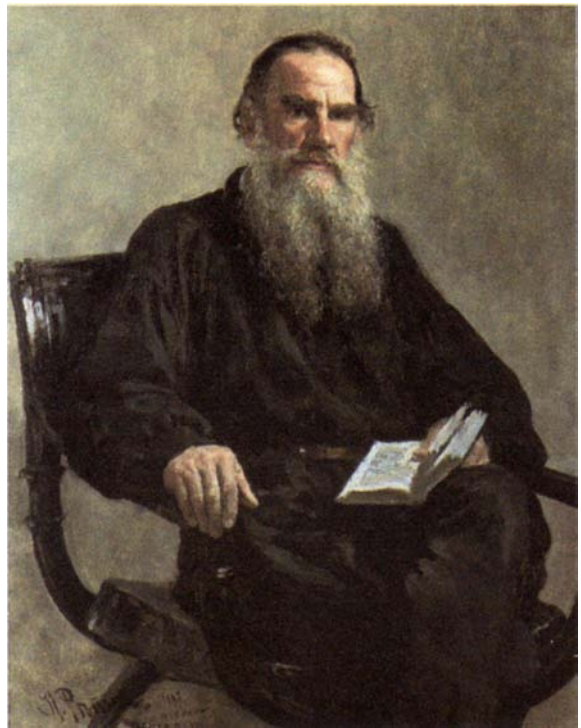
Прибывшие на зов увидели незабываемое зрелище: перед полотном «Иван Грозный и сын его Иван» Ильи Репина в руках служителя зала бился в судорогах молодой человек. В руке его был нож.

А на картине зияли три длинных пореза с осыпавшейся по краям краской.

Служитель рассказывал потом, что вандал — его звали Абрам Балашов, долго стоял перед «Боярыней Морозовой» Сурикова, потом перед репинским холстом, вдруг выхватил из-за пазухи нож и кинулся к нему с криком: «Довольно крови!»

Казалось, раны, нанесенные картине, были смертельными...

Срочно была послана телеграмма Репину в его «Пенаты» и вызваны лучшие реставраторы России. После долгого обсуждения решено было попытаться картину восстановить. Как обычно делают в таких случаях, с задней стороны на места порезов наклеили новый холст, потом там, где живопись была уничтожена, нанесли новый грунт. Теперь предстояло самое сложное — по сохранившимся фотографиям точно восстановить все —

каждую линию, когда-то в порыве вдохновения проведенную художником, каждое пятно цвета, ведь от этого зависело главное в картине — выражение лиц.

Через несколько дней приехал Илья Ефимович Репин. Ему было уже шестьдесят пять лет, но он, как всегда, был бодр, стремителен и непредсказуем. Известие о том, что одна из лучших его картин, вероятно, погибла, потрясло его. Но Репин держался строго, запре-

тил домашним даже говорить на эту тему, и только непроизвольная дрожь его маленьких, удивительно красивых рук выдавала его волнение.

Он явился в Москву в выходной день. Заведующий галереей художник Грабарь уехал за город, и никто не посмел запретить знаменитому мастеру пройти в зал, где стояло его произведение. А зря! Они, наверное, не знали, что великий русский художник почти всегда бывал недоволен собой. Они не знали, сколько раз он переписывал свои картины — даже уже в залах Третьяковской галереи, и — увы! — далеко не всегда улучшая их. Но хорошо знакомого с репинским характером Гра-

баря не было, и никем не остановленный маэстро взял в руки палитру и кисти...

Сколько воспоминаний нахлынуло на Репина, когда он подошел к мольберту, на котором стояла его изувеченная картина!

Первое марта 1881 года. Он приехал в Петербург на открытие очередной выставки передвижников. Но праздника не получилось — этот день навсегда остался в истории днем убийства русского императора Александра II. На не-

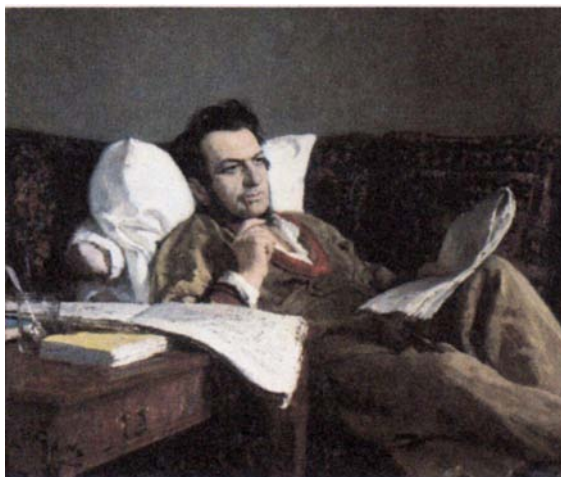
И.Репин. *Портрет Льва Николаевича Толстого*

И.Репин. *Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года, в день столетнего юбилея со дня его учреждения*

И.Репин. *Портрет Модеста Петровича Мусоргского*

И.Репин. *Портрет Дмитрия Ивановича Менделеева в мантии профессора Эдинбургского университета*

И.Репин. *Михаил Глинка в период сочинения оперы «Руслан и Людмила»*

Иван ГУ Васильевич (Иван Грозный) (1530-1584 гг.). Великий князь с 1533 г. «Венчался на царство» в 1547 г. и стал первым русским царем. Провел многочисленные реформы, направленные на укрепление Русского централизованного государства. В период царствования Ивана ГУ к России присоединены Казанское и Астраханское ханства, «данниками» России признали себя сибирский хан и ногайский князь, кабардинские и чеченские князья. Предпринимались и попытки открыть выход в Балтийское море, закончившиеся, однако, неудачей.

На усиление борьбы реакционного боярства против своих реформ Иван Грозный ответил жестоким террором и учреждением в 1565 г. опричнины — выделением земель государства во владение верных царю дворян. При этом возникли новый административный аппарат и войско. Противники царских реформ были казнены.

Иван ГУ был выдающимся политиком, дипломатом и полководцем. При нем началось книгопечатание в Москве, был выстроен собор Василия Блаженного, появились значительные литературно-публицистические произведения. Характеру Ивана ГУ были свойственны подозрительность, крайняя жестокость и необузданная раздражительность. Во время одной из таких вспышек ярости 15 ноября 1581 г. и был убит его единственный сын Иван.

го уже было несколько покушений, и вот террористы достигли своей цели.

Репин присутствовал на публичной казни «первомартовцев» — пятерых революционеров, среди которых была и женщина, Софья Перовская.

Долго после этого Репин не мог найти себе места, думая о бессмысленной жестокости людей. И однажды, слушая новое сочинение Римского-Корсакова, он вдруг понял, о чем будет его новая картина...

Он писал ее тайно. Порой, изнемогая от страшного напряжения, задерживал занавесом — все, что изображал, он должен был пережить сам.

Да, конечно, он читал книги, разговаривал с историками, пытался представить тот далекий ноябрьский день 1581 года...

Жарко натопленные палаты, застланные коврами, небольшие оконца, полумрак, иконы, нарядная печь, выложенная изразцами... Неудобные, массивные деревянные кресла с кованы-

ми металлическими накладками, узорные лари и сундуки у стен... Еле слышный шелест прислуги, боящейся показаться на глаза властителю. И вот он входит — «царь и великий князь всея Руси» Иоанн Васильевич IV, прозванный Грозным, — высохший, больной, хотя еще не старый, в черной одежде, с тяжелым посохом в руках.

Четыре века гадают историки, из-за чего произошла та последняя ссора, чем прогневил отца царевич Иван. Безграничная деспотическая власть, ничем не сдерживаемый характер властителя-тирана, не терпящего никакого противоречия — и вдруг вспышка ярости, взмах кованого посоха, удар — и...

И вдруг царь понял, что же он только что совершил. В ужасе и иступленном раскаянии бросается он к царевичу, приподнимает, пытается зажать пальцами рану на виске, но кровь льется из-под его руки, и вместе с ней уходит жизнь его единственного сына, долгожданного наследника трона, будущее династии.

Царь на картине отвратителен... Да, пусть он будет ужасен, как ужасно всякое насилие: дыбом вставшие редкие волосы на костистом черепе, вылезающие из орбит глаза, испачканный кровью лоб... Но он же любит сына, конечно, любит, — недаром пережил его всего на два года. Видя, что он сделал своими собственными руками, Иван Грозный на миг перестал быть всевластным владыкой, сейчас он обычный человек и понимает, что свершилось непоправимое, но не хочет этому верить, словно еще надеется на что-то...

А царевич? Ему в то время было уже двадцать восемь. Историки пишут, что он умер не сразу, а через несколько дней, «от горячки». И хотя это не совсем исторически точно, но царевич Иван на картине умирает на глазах у зрителя, чтобы они могли сильнее почувствовать необратимость случившегося.

И.Репин. *Иван Грозный и сын его Иван*
16 ноября 1581 года

И.Репин. *Автопортрет*

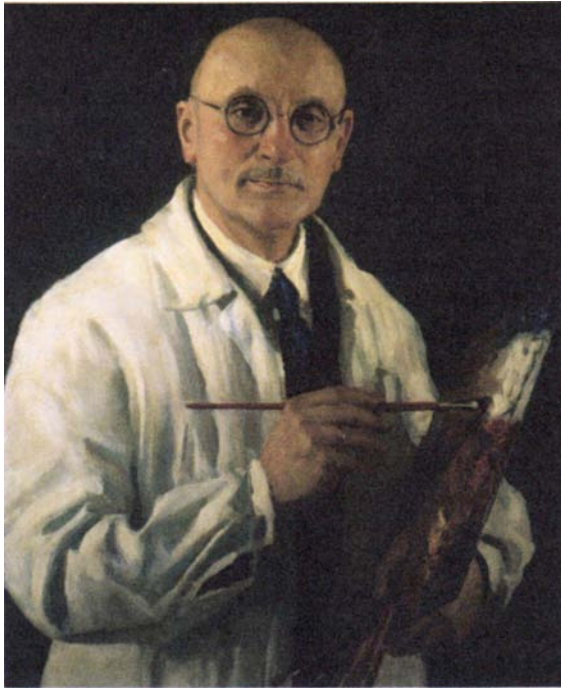
Репин Илья Ефимович — русский художник, один из самых ярких представителей русского реалистического искусства. Родился 25 июля (5 августа) 1844 г. в г. Чугуеве Харьковской губернии. Приехал в Петербург в 1863 г., учился сначала в Рисовальной школе, а затем, с 1864 г., — в Академии Художеств. Закончил ее с золотой медалью. Уже в 1873 г. была закончена знаменитая картина «Бурлаки на Волге», сразу сделавшая молодого художника одной из самых ярких фигур русской живописи.

Репин был выдающимся портретистом. Среди наиболее известных его работ в этом жанре: «Мужичок из робких», «Протодьякон», портреты выдающихся представителей русской интеллигенции.

Репин всегда страстно реагировал на события окружающей жизни. Его кисти принадлежат несколько картин, посвященных революционному движению в России — «Арест пропагандиста» (1880-92 гг.), «Отказ от исповеди» (1879-85 гг.), «Не ждали» (1884-88 гг.). Картина «Крестный ход в Курской губернии» (1880-83 гг.) — энциклопедия народной жизни России в конце XIX века. Большим успехом пользуются и исторические картины живописца — «Царевна Софья» (1879 г.), «Иван Грозный и сын его Иван» (1885 г.), «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1891 г.).

Член Товарищества Передвижных художественных выставок с 1878 г., профессор и ректор Академии Художеств.

Умер 29 сентября 1930 г. в пос. Куоккала (ныне Репино).

Наверное, царевич в чем-то походил на своего отца. Но сейчас он невинная жертва. Он гибнет нелепо и случайно, совсем не так, как царевич Алексей на картине Николая Ге. Петр Первый

старался быть справедливым и прежде всего думал о государстве, за которое был в ответе.

Царь Иван, если верить историкам, тоже немало сделал, чтобы усилить свою державу. О нем пишут как о великом правителе, полководце, дипломате и даже писателе. Но сколько тысяч жизней на его совести? И скольких он убил бессмысленно! Век был жесток, свирепы были нравы, но даже тогда прозвали его «Грозным». Иван IV был настоящим тираном. Можно представить, сколько вынес царевич, пока не наступила роковая развязка... Художнику главное — выбрать такой момент, чтобы каждый, кто смотрит на картину, мог вообразить, что было и до и после него, чтобы возникло ощущение действия, движения на картине.

Что мог чувствовать в эти мгновения царевич? Он видит бессильное отчаяние своего безумного отца, понимает, как тот его любит, как страстно хотел бы вернуть назад непоправимый миг. Он старается подняться, опираясь одной рукой на пол, а второй — на руку отца. Глаза широко

раскрыты, но взгляд уже затуманен близкой смертью. По щеке стекает слеза. Он силится улыбнуться, утешить отца...

Как передать на картине этот образ, что встает в воображении? Сразу заострившиеся тонкие черты лица, полураскрытый рот, это выражение кротости и немого укора...

Картина, при всем ужасе происходящего, пишется не для того, чтобы дамы падали перед ней в обморок. Нужно, чтобы изображенное вызывало не страх, а сострадание и возмущение. Возмущение произволом, насилием, беззаконием власти. Любой власти.

И, разумеется, картина должна быть, несмотря ни на что, красивой.

Грозный весь в черном. Он ведь постоянно молился, несколько раз отрекался от трона и собирался в монастырь... А потом вновь принимался железной рукой повелевать огромной страной. Пятьдесят лет был царем, чуть не всю свою жизнь.

Царевич, как и положено царскому сыну, будет одет нарядно. В палатах сумрачно, во всем господствует красноватый тон, на полах дорогие ковры темно-красного цвета. Умиравший царевич будет в розовом, да, в бледно-розовом кафтане, холодного оттенка, чтобы чувствовалось, что жизнь оставляет его. На ногах узорные сафьяновые сапожки, с загнутыми носками, с гвоздиками на подошвах. Да, красный, черный, розовый — цвета трагедии и скорби.

И никаких свидетелей — стольничих, бояр, мамок и нянек — только они двое, отец и сын...

Стоя перед изуродованным полотном, Репин вспомнил многое... Картина стояла ему долгих бессонных ночей и дней. Он работал, как замороженный, не имея сил оторваться от холста. Впечатления жизни, еще не остывшие и не потерявшие остроты, требовали выхода. Он не мог ее не писать! Это длилось больше года. Как часто ему казалось, что он не в силах передать силу владевших им чувств.

Конечно, одного воображения оказалось мало. Перед глазами Репина встало лицо писателя Гаршина, которого он так

И.Грбарь. Автопортрет

И.Репин. Крестный ход в Курской губернии

И.Репин. Запорожцы пишут письмо
турецкому султану

любил. Нервный, необыкновенно добрый, чувствительный. Именно его облик и характер стали основой для образа царевича. А в Грозном как бы соединились несколько людей: старик из Царского

Села, рабочий, увиденный на рынке в Петербурге, художник Мясоедов...

А потом наступил день, когда картина была показана друзьям.

Репин вспомнил ошеломленную тишину, когда он отдернул скрывавшую картину занавеску. У него на «четверге» собрались Крамской, Шишкин, Ярошенко с женой, кто-то еще... Долго-долго длилось молчание. И позже все говорили вполголоса, почти шепотом. Только Крамской, не находя слов, крутил головой и разводил руками.

Удивительно, что картину разрешили показать в Петербурге. Потом, конечно, запретили — не только на выставке в Москве, но даже и Третьякову пришлось специальное указание — не показывать ее в залах галереи. Да что уж теперь! Вроде все позабылось, а оказывается, все не так. Конечно, насилие нестерпимо, но при чем же здесь картина? Кто мог поду-

И.Репин. *Летний пейзаж (Вера Алексеевна Репина на мостике в Абрамцеве)*

И.Репин. *Портрет Веры Репиной*

И.Репин. *Портрет Павла Михайловича Третьякова*

И.Репин. *Воскрешение дочери Иаира*

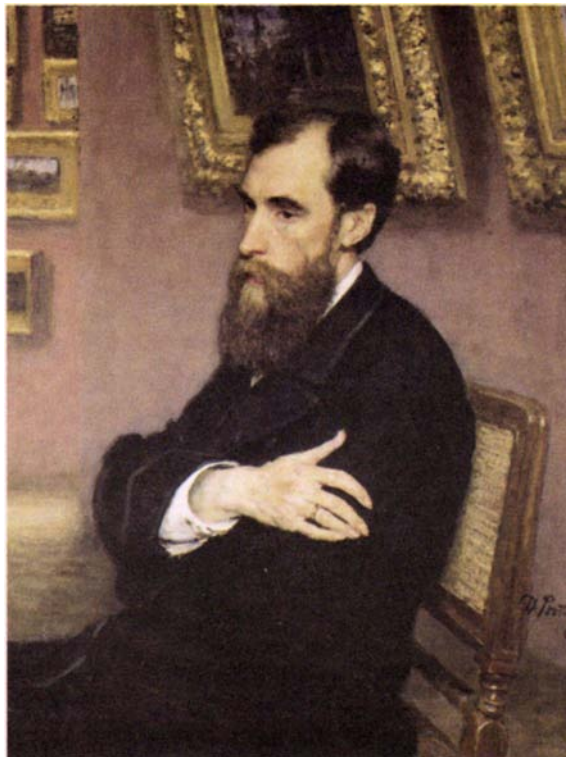
мать, что в мозгу полубезумного вандала, испортившего его произведение, перепутаются искусство и жизнь?

Репин еще постоял, подумал и взял в руки кисть...

Явившийся в галерею Игорь Эммануилович Грабарь, узнав, что Репин работал над картиной и потом стремительно уехал, опрометью кинулся в зал. Предчувствие не обмануло его. Репин уже давно порывался «улучшить картину» и вот — «не было бы счастья, да несчастье помогло». Голова Грозного была полностью переделана! Она была теперь написана в каких-то лиловых тонах, совершенно не согласующихся с колоритом картины. Выражение лица стало совсем другим, цельность впечатления была разрушена.

Требовалось срочно спасать шедевр.

Узнав, на чем художник разводил краски, Грабарь немедленно стер слой новой живописи. И уже потом, вздохнув с облегчением, они вместе со знаменитым реставратором Богословским тщательно, по миллиметру, пользуясь только акварельными красками, которые, в отличие от масляных, не меняют

со временем своего цвета, восстановили утраченные места. Никто и не догадается, что случилось когда-то со знаменитой картиной. А Репин, кажется, так ничего и не узнал.

КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЕТ?

«Хорошо все-таки быть сыном художника!» — думал Володя Васнецов, лежа на травке в саду. Ни у кого нет такого дома, как у них. Папенька сам его придумал. Хоть и стоит он в Москве, но сложен не из кирпичей, а из толстых бревен. Он похож на терем с изогнутой крышей, совсем как в сказочных дворцах. Мебель в доме вся деревянная, прочная, украшенная резьбой, на печах — полосы из разноцветных изразцов, на стенах — картины и фотографии. И так удивительно пахнет скипидаром и красками!

И сад у них особенный, потому что яблони там дикие, и растут, как в лесу, клены, дубы и липы. А весной одна полянка становится вся голубая — это расцветают подснежники-пролески! И тихо у них, не то, что во дворе дяди Аполлинария — там вечно то шарманка поет, то старьевщик кричит смешно: «Шурум-бурум, старье бере-е-ем!», а то ходячие слесари: «Чиним-паяем, до-нья вставляем!»

Папенька — знаменитый художник. Так все говорят. И гости приходят тоже знаменитые. Одного зовут «Дядя Гиляй», а настоящая его фамилия Гиляровский. Маменька сказала, что он про Москву все-все знает. Другого называла — Куприн, тоже писатель. И музыканты приходят, и певцы. Один недавно так запел, что стекла из окон чуть не вылетели. Голос у него низкий, будто бархатный — бас называется. Говорят, лучше ни у кого во всей России нет. Фамилия его — Шаляпин. А уж из ху-

дожников кого только не было — и Репин, и Суриков, и Поленов! Вроде все серьезные, а иной раз так расшумятся в гостиной: то играют, то спорят, то музыку слушают.

Жалко только, детей туда не пускают. Папенька строгий, его слово в доме — закон. Даже за столом разговаривать можно только ему и гостям, а дети должны слушать да помалкивать.

Но самое интересное, конечно, на втором этаже. Наверх ведет витая деревянная лестница. Там — мастерская. Заходить туда никому не разрешается, особенно, когда папенька работает. А если даже и зайдет кто, то не должен мешать и рассказывать всем, что там видел. Недаром на стене у двери ангел нарисован с прижатым к губам пальцем — «ангел молчания».

В.Васнецов. *Баба-яга*

В.Васнецов. *Кощей Бессмертный*

В.Васнецов. *Аленушка*

В.Васнецов. *Иван-царевич на Сером Волке*

И чего там только нет! Оружие — мечи, копья, кольчуги древние, шлемы, щиты. В сундуке полно всяких нарядов — и старых, и тех, что маменька шила для домашних спектаклей. Еще посуда старинная, разные шапочки, шитые золотом и жемчугом, старые иконы. Мастерская огромная, потолок и окна высоченные — чтобы много света было. И картины у папеньки тоже большущие — он даже на стремянку залезает, чтобы верхнюю часть написать.

На картинах Иван-Царевич с Серым волком, Баба Яга, Царевна-Несмеяна. Но главное, конечно, «Три богатыря». Они чуть ли не всю мастерскую заняли. И все говорят «шедевр», «шедевр»... Это значит — самое лучшее, что сделал художник. А папенька все никак не может закончить, хочет еще лучше сделать.

Кажется, всю жизнь картина с ними кочует — и в Абрамцево была, и в Киеве, когда папенька Владимирский собор расписывал, а после опять в Москву привезли. Еще совсем маленькие были — за нее прятались, когда играли.

Васнецов Виктор Михайлович — русский художник. Родился 3(15) мая 1848 г. в селе Рябове Вятской губернии в семье священника. Рос в крайней бедности. Учился в семинарии, затем уехал в Петербург и, поступив в Академию Художеств, был настолько уверен, что его не примут, что, сдав экза-

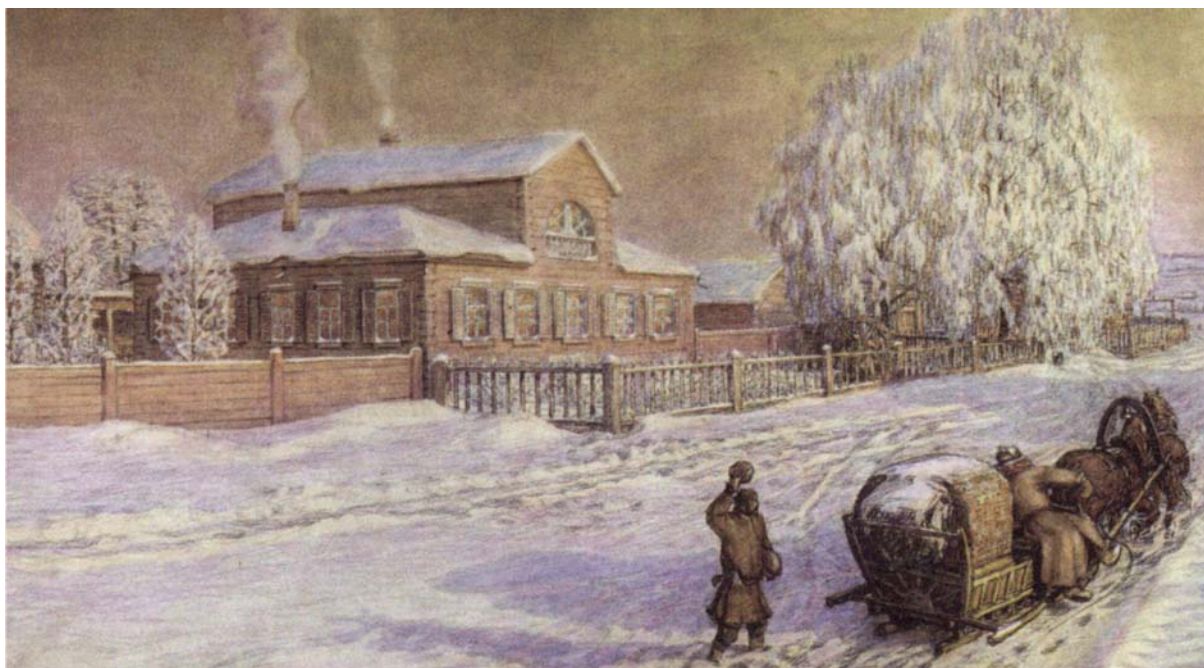
ны, даже не явился узнать о результатах. Год учился в Рисовальной школе при Обществе поощрения художников и только после этого стал студентом Академии, которую посещал в 1868–75 гг., но оставил ее, не закончив полностью курса.

Все время обучения вынужден был добывать средства к существованию. Работал как гравер и рисовальщик, сотрудничал с рядом петербургских журналов.

Начал как жанровый живописец и получил некоторую известность благодаря картинам «С квартиры на квартиру», «Военная телеграмма». Однако настоящая слава пришла к нему после того, как он обратился к темам национальной истории, к русским былинам и сказкам. Основные работы: «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880г.), «Аленушка» (1881г.), «Иван-царевич и Серый волк» (1889г.), «Богатыри» (1881–1898гг.), «Царь Иван Васильевич Грозный» (1897г.). Выполнил монументальное панно «Каменный век» для исторического музея в Москве (1883–1885 гг.) и большую часть росписей Владимирского собора в Киеве. Работал как архитектор. По его проекту выстроена церковь в Абрамцево, фасад Третьяковской галереи, собственный дом в Москве.

Член Товарищества Передвижных художественных выставок с 1876 г.

Умер в Москве 23 июля 1926 г. В доме В.М. Васнецова, почти полностью сохранившем прежнюю обстановку, открыт музей.

Папенька говорит мало. Но иногда вечером придешь к нему в «светелку» — в кабинет рядом с мастерской — и начинает он рассказывать о деревне своей, недалеко от Вятки, где он вырос. У него шесть братьев было и на всех — один тулуп и одни валенки, поэтому зимой они больше дома сидели, на печке.

Всего десять изб у них в Рябове было. В Москве-то вон сколько народу! Дома огромные, конки по рельсам бегают, звонят, экипажи красивые, театры... У них в доме даже телефон есть, и папенька с дядей Аполлинарием, он тоже художник, часто разговаривают.

Дедушка, папенькин отец, был батюшкой в церкви. И папенька тоже сначала хотел священником стать, учился в семинарии, а потом уже поехал в Петербург, в Академию поступать.

Он все знает: и про цветы, и про птиц, даже какие звезды как называются. Говорит, с детства помнит, чему дедушка Михаил учил.

А сколько он знает всяких пословиц,

сказок, былин! «Слово о полку Игореве» наизусть может рассказать. Когда он был маленький, собирались в деревне на посиделки. Избу освещали лучиной — такая деревянная щепочка на подставке железной, поставец называется. Лучина горит, потрескивает, по стенам тени скачут, иногда уголек отрывается, падает и шипит — внизу вода налита, чтобы изба не сгорела. А если кто-нибудь рассказывает страшную сказку, все делается таким таинственным: кажется, из каждого угла глядят кашеи да домовые.

Вот они потом у него на картинах и появились, будто живые. Но сначала папенька писал картины про бедных людей. А потом захотелось ему нарисовать сказку. Он говорит, что у каждого народа свои сказки, и в них характер людей хорошо виден. Сейчас многие начали собирать былины и песни — то, что простые люди, которые и писать-то не умеют, друг другу рассказывают и передают от отцов детям. И в этих рассказах много выдумки, а много и правды.

Папенька говорит, что давным-давно действительно жили богатыри. И подвиги ратные совершали. Ратные — это значит: на поле боя, в сражении. С любым чудищем вступали в бой — и со

В.Васнецов. Автопортрет

А.Васнецов. Наш дом. Рябово

В.Васнецов. После побоища Игоря Святославовича с половцами

Змеем Горынычем, и со Соловьем-Разбойником. И с татарами бились — они на землю русскую напали.

Папенька былины по памяти читает: много слов непонятных, но так торжественно! И как витязи бьются с врагами: «Куда махнет палицей — туда улица, перемахнет — переулочек». Значит, врагов видимо-невидимо, стеной стоят. А богатырь ударит раз — и сразу как просека в лесу.

Музыку тоже сочиняют о русской старине... И симфония есть такая — «Богатырская» называется. Слушаешь музыку, как грозно она рокошет, и представляешь, что могучие богатыри на своих конях едут.

Вот и у папеньки на картине они так изображены. Давным-давно Россия называлась Русью. И главным городом был не Петербург, как теперь, и не Москва, а Киев.

*Под славным городом, под Киевом,
На тех степях на Цицарских,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман*

был Илья Муромец.

*Под-атаманье был
Добрыня Никитич млад,
Есаул Алеша, поповский сын.*

Мимо их заставы к Киеву «лютый зверь не прорыскивал, быстра птица не пролетывала».

В центре картины Илья Муромец. Он самый старший и самый могучий. Смотрит из-под рукавицы, опасность заметил и даже не чувствует, что на руке у него висит палица булатная, «весом в сорок пуд». А ведь и один пуд ни за что не поднимешь — это целых шестнадцать килограммов!

Илья торопиться не любит — недаром тридцать лет и три года на печи просидел. Видно, какой он большой и тяжелый, и его могучий «ворон-конь» смотрит огненным глазом, не шелохнется, будто врос в землю. Но это только кажется, что он неповоротлив — в былине говорится, что если Бурушко «осержается», он «от земли отделяется, делает выходы на десять верст, делает выскоки на сто верст» — любого обидчика нагонит.

У Ильи Муромца брови нахмурены, лицо строгое, но легко представить, как

В.Васнецов. Ковер-самолет

В.Васнецов. Бой Добрыни Никитича
с семиглавым Змеем Горынычем

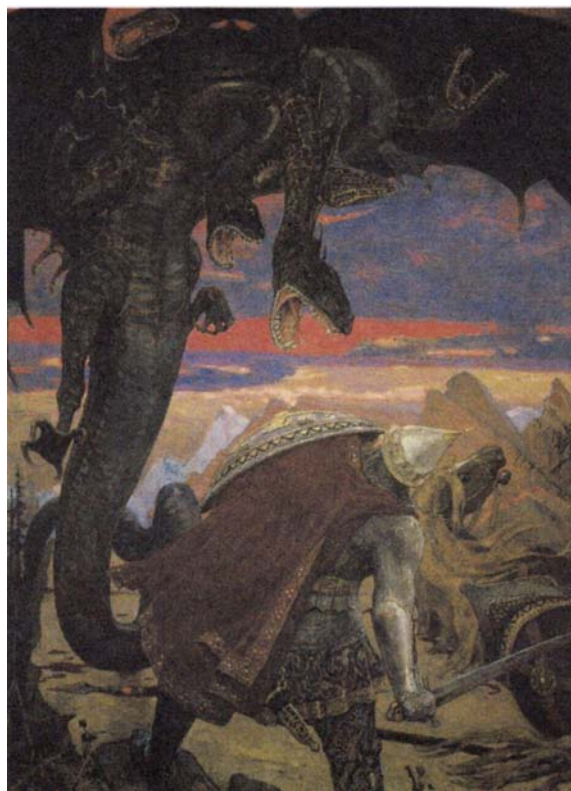
В.Васнецов. Витязь на распутье

он улыбается, потому что настоящая сила всегда добрая бывает, — так папенька говорит. А написан Илья с простого мужика. Его Иван Петров звали, и был он, как и сам Илья, из-под Муром.

Добрыня Никитич рядом, на белой лошади. Она у него быстрая, горячая, рвется вперед. И Добрыня уже меч вынимает из золотых ножен — ему идти в бой на «нахвалыщика», наглого врага. Лицо у него строгое, длинное, и борода, и волосы длинные, и шлем острый. Весь он стройный, точеный. Потому что он не простой крестьянин, как Илья Муромец, а из Князевых дружинников. Он и богат, и знатен, и «вежеством силен» — то есть премудрости книжной обучен.

Вон какая сбруя у него красивая, сапоги сафьяновые, зеленые, одежда нарядная. И взгляд гордый, бесстрашный.

А для Алеши Поповича папенька сначала написал этюд в Абрамцево с Андрея Мамонтова, а потом перенес его в картину. И похож вроде, а уже не Андрей на картине, а былинный Алеша Попович. Он из всех богатырей самый молодой — у него и бороды нет. Но зато он самый ловкий и увертливый. Открытого боя Алеша боится, да и сил у

него поменьше, чем у Ильи с Добрыней. Вот и на картине он не с мечом или палицей в руке, а с луком натянутым, чтобы пустить стрелу, «вершника», то

есть выбить всадника из седла, да и умчаться поскорее на своей хитрой рыжей лошадке.

Лицо у него смуглое, улыбчивое. Он и петь, и на гуслях играть умеет — они у него сзади к седлу приторочены —

вроде арфы маленькой. Одежда у Алеши самая яркая, пояс наборный, на шее даже ожерелье какое-то.

Все они вместе — это будто весь народ русский. И за ними, за их спинами — родина.

Красиво как! У ног лошадей молоденькие елочки и сосенки, вдали — холмы, поросшие вековыми лесами. Ветер по равнине гуляет, гнет высокие травы, несет по небу облака. Тревога на душе у богатырей перед боем, и природа тоже встревожена. И будто узнаешь этот пейзаж.

Папенька говорит, что так и должно быть. Он много мест объездил, много этюдов написал, чтобы этот пейзаж придумать.

Говорят, скоро картину отошлют на выставку, а потом она будет висеть в Третьяковской галерее. Это очень почетно — туда только самые лучшие картины берут. И всегда можно будет пойти посмотреть, или показать кому-нибудь знакомому.

Да, быть художником хорошо... Но вот он, простой цветочек — лютик, а попробуй его нарисовать! Сколько раз пытался, и папенька помогал — а все не так выходит. Значит, не все художник может, и у природы — свое волшебство: дая травинка, цветок или букашка так сложно устроены и так не похожи друг на друга! Наверное, интереснее этого нет вообще ничего...

— Володя! — услышался из дома голос матери. — Обедать! Быстро!

Володя поднялся, улыбнулся своим мыслям и побежал к маме.

В. Васнецов. *Богатыри*

В. Васнецов. *Портрет сына художника*

ББК 85.143(2)я6
УДК 75(470+571)(084.1)
В 19

Содержание

Москва, Помпеи, Петербург...	2
<i>К. Брюллов. Последний день Помпеи</i>	
Возвращение из Рима	10
<i>А. Иванов. Явление Христа народу</i>	
Последний допрос	18
<i>Н. Ге. Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе</i>	
Где найти боярыню?	26
<i>В. Суриков. Боярыня Морозова</i>	
Тиран и вандал	32
<i>И. Репин. Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года</i>	
Кто в тереме живет?	40
<i>В. Васнецов. Богатыри</i>	

Великие полотна

Для младшего и среднего школьного возраста

Автор Галина Евгеньевна Ветрова

Книга повествует о жизни и творчестве К. Брюллова, А. Иванова,
В. Сурикова, В. Васнецова и других и рассказывает об истории создания живописных полотен,
ставших общепризнанными мировыми шедеврами